

RU

## Особенности реализации концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в дискурсе русскоязычной диаспоры Китая (на примере интернет-сообщества «Байки лаовая»)

Ли Чжидань

**Аннотация.** Цель исследования - разработка модели взаимодействия концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в условиях русскоязычного диаспорального дискурса Китая. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе дихотомии «свой-чужой» как базовой модели формирования категории оценочности, реализующейся в дискурсе самого крупного интернет-сообщества русскоговорящей диаспоры Китая «Байки лаовая» в социальной сети ВКонтакте. Результатом работы стали описание концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ под влиянием иной национально-культурной концептосферы, реконструкция модели оппозиции данных концептов, а также выявление тенденций во взаимодействии и трансформации концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в диаспоральном дискурсе.

EN

## Features of Implementation of the Concepts ONE'S OWN and ALIEN in the Discourse of the Russian-Speaking Diaspora in China (by the Example of the Online Community "A Laowai's Tales")

Li Zhidan

**Abstract.** The purpose of the research is to develop a model of interaction between the concepts ONE'S OWN and ALIEN in the conditions of the Russian-speaking diaspora discourse of China. Scientific novelty of the study lies in analysing in a comprehensive manner the "one's own - alien" dichotomy as a basic model of formation of the evaluation category, which is implemented in the discourse of the largest Internet community of the Russian-speaking diaspora in China "A Laowai's Tales" on the social network VKontakte. The work resulted in the description of the concepts ONE'S OWN and ALIEN under the influence of a different national-cultural conceptual sphere, in the reconstruction of a model of opposition of these concepts, as well as in the identification of trends in the interaction and transformation of the concepts ONE'S OWN and ALIEN in the diaspora discourse.

### Введение

Актуальность исследования обусловлена расширением и интенсификацией межкультурных связей, необходимостью исследования функционирования базисных концептов в новых условиях, когда процессы, происходящие в диаспоре, позволяют нам выявить глобальные тенденции в формировании нового кросскультурного сознания и языка. Анализ развития диаспор в современном мире позволяет сделать вывод о том, что они тяготеют к созданию транснациональных сетей, с одной стороны, и тесному культурному и языковому контакту с другими народами, с другой стороны. Оппозиция «свой-чужой» является основополагающей и одной из наиболее архетипичных в языке, культуре, менталитете и сознании любого человека.

Реализация цели данного исследования достигается путем решения следующих задач: рассмотреть существующие подходы к описанию концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ; рассмотреть особенности влияния иной национально-культурной концептосферы на восприятие концепта СВОЙ; проследить тенденции взаимодействия и трансформации концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в диаспоральном дискурсе.

Материалом исследования стали посты и комментарии к статьям открытой группы «Байки лаовая» [1] социальной сети «ВКонтакте». На момент написания статьи в группе состояло более 56 тыс. подписчиков, она зарегистрирована с 2013 г., создано более 18000 тематических постов, каждый из которых, как правило, сопровождается многочисленными комментариями.

В статье применяются следующие методы исследования: метод семантико-когнитивного анализа, экспериментальные методы исследования. Метод семантико-когнитивного анализа подразумевает, что в процессе исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов с помощью когнитивной интерпретации. Экспериментальные методы исследования концептов, в частности ассоциативный эксперимент, позволяют получить информацию эмоционального и оценочного характера, а также выявить наиболее значимые элементы концепта. Методологической базой данного исследования послужил комплексный междисциплинарный подход, который включает в себя когнитивный, прагматический, социологический, лингвокультурологический и этнопсихологический аспекты.

Мы вслед за профессором О. В. Орловой выделяем три ветви лингвоконцептологии: собственно когнитивно-дискурсивная, лингвокультурологическая и когнитивно-стилистическая [11]. И если лингво-когнитивистика изучает языковые универсалии в пределах одного или нескольких языков, «концепты самого высокого уровня – самые обобщенные и абстрактные» [15, с. 313], то лингвокультурология сосредоточена на компаративном описании этнокультурных/субкультурных уникалий и уникальных спецификаций общекультурных универсалий [11]. Поэтому в своей работе мы рассмотрим именно лингвокультурологический аспект концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в среде русскоязычной диаспоры Китая, имеющий ряд национально обусловленных черт, а также вненациональную, унифицированную составляющую.

Теоретической базой исследования стали работы российских и зарубежных лингвистов. Оппозицию «свой-чужой» с точки зрения этимологии, функционирования, самоидентичности и ее отражения в категориях языка рассматривали Ю. С. Степанов [17], Э. Бенвенист [4], А. Б. Пеньковский [13] и другие. Ее актуализация в определенных видах дискурса представлена в работах Т. А. ван Дейка [6], Р. Водак [5], С. Сахно [16]. В целом можно выделить два подхода к рассмотрению проблемы. Во-первых, когда основой противопоставления является негативная оценка ЧУЖОГО и положительная оценка СВОЕГО. Во-вторых, когда вводится промежуточная категория ДРУГОГО, которая допускает существование нейтральной или положительной оценки ЧУЖОГО. Однако проведенный нами анализ показал, что в диаспоральном дискурсе появляется и положительное значение, когда инокультурный компонент, то есть ЧУЖОЙ, воспринимается положительно, а СВОЙ, имеющий отношение к понятию РОДИНА, – как негативный, что указывает на особую роль и многомерность данной оппозиции среди членов диаспоры.

Оппозиция концептов СВОЙ-ЧУЖОЙ широко представлена в современных работах российских и китайских лингвистов, среди которых стоит назвать исследования О. В. Балясниковой [2; 3], М. Л. Хохлиной [18], Н. А. Завершинской [7], И. Г. Овчинниковой [10], В. М. Пивоева [14], Э. А. Китаниной [8], О. В. Орловой [11], Хуан Тяньдэ [19] и других. В данных работах исследуются понятийная и ценностная составляющие, соотношение объективного и субъективного, а также рассмотрен сам концепт как оценочная категория.

Практическое значение данной работы состоит в том, что наблюдения и выводы, сделанные в ходе исследования, могут быть использованы в работе лингвистов-переводчиков, в практике преподавания русского языка как иностранного, в частности, обучения практике перевода, которая теснейшим образом связана с исторически меняющимися политическими, социальными и культурными реалиями России. Данные настоящего исследования могут быть также применены в преподавании лингвострановедения, а также при подготовке семинаров, облегчающих адаптацию в условиях иной культуры. Полученные данные могут быть использованы при проведении кросскультурных сопоставлений для углубления и расширения исследований национального менталитета, а также трансформационных процессов, происходящих в данной области в эпоху глобализации.

## Основная часть

Дискурс русскоговорящих в Китае имеет свои формальные признаки, а также семантическое и прагматическое своеобразие, которое не только характеризует речь, но и отражает различные картины мира носителей языка в условиях диаспоры. Проведенное нами исследование показало, что данный тип дискурса испытывает языковое влияние как принимающей страны, так и английского языка как основного международного средства коммуникации, а также интернет-сленга, имеющего ряд лексических и синтаксических особенностей.

Большинство ученых сходятся во мнении, что основной проблемой при изучении концептосферы СВОЙ-ЧУЖОЙ является соотношение личностного и надличностного. Так, Ю. С. Степанов говорит об объективно существующем различии людей по линии *свои-чужие*, когда в основе противопоставления могут быть социальные, экономические, этнические, языковые и другие различия, которые исходят из объективных предпосылок дискурса [17, с. 84]. Однако, на наш взгляд, именно проблема самоидентификации, то есть прежде всего субъективных предпосылок, служит основой данной оппозиции в диаспоральном дискурсе. На это косвенно указывает и название интернет-сообщества «Байки лаовая», когда в качестве самоидентификатора члена группы используется не русское слово, а китайское просторечие *лаовай* (иностранец) [12]. Тем самым происходит осмысление себя и своего места в ином языковом и культурном поле, с одной стороны, и смешение *своего* и *чужого*, с другой стороны. Примечательно, что данная лексема напрямую не указывает ни на этническую, ни на языковую, ни на культурную общность, объединяя всех не-китайцев, независимо от их национальности, расы, религии, социального статуса или политических взглядов. Складывается парадоксальная ситуация, когда консолидирующим признаком для *своих* становится понятие *чужой* относительно китайской культуры. Одним из первых на проблему смешения понятий *свой* и *чужой* указывал В. М. Пивоев, отмечая, что ощутить освоенное как *своё* можно лишь относительно *чужого*, *иного*, *другого*, *не-своего* [14, с. 6].

Таким образом, можно сделать вывод, что в диаспоральном дискурсе концепты СВОЙ и ЧУЖОЙ вступают в сложные взаимоотношения друг с другом, варьируясь в зависимости от заданной темы, личного опыта участников, а также определенного контекста.

Э. Китанина, рассматривая концепты СВОЙ и ЧУЖОЙ прежде всего как личностные категории, выделяет три модели их взаимодействия в условиях межкультурной коммуникации. Первая модель – когда происходит осмысление культурно-своего на фоне чужого и одновременно культурно-чужого на фоне своего [8]. Подобное мы наблюдаем и в дискуссиях «Баек лаовая», когда осмысление китайских реалий даётся в контексте своего личного опыта, менталитета и определенной языковой картины мира, а реалии и процессы на родине – сквозь призму нового опыта, полученного в Китае. Это осознается и самими членами дискурса, которые в подзаголовке своего интернет-сообщества отмечают, что это *Истории о Китае, китайцах и жизни иностранцев в Китае. Пишем сами!* (комментарий на 09.07.2021) [1].

Вторая модель – когда в процессе межкультурной коммуникации чужому придаётся характер доступного, личного, при этом в той или иной степени достигается относительное приближение, понимание и освоение чужого, то есть перевод культурных артефактов из пространства чужого в пространство своего [8]. В качестве примера можно привести огромное количество китаизмов в речи диаспоры, которые служат средством адаптации иноязычной картины мира и выражения своей самоидентичности на фоне языка метрополии. Стоит отметить, что наиболее значимым пластом заимствованной лексики являются именно агентивы, которые не только называют круг лиц, с которыми контактирует иностранец в Китае, но и служат самоидентификатором для членов диаспоры по этническому, профессиональному или другому признаку. Так, в речи русскоговорящей диаспоры наиболее частотными заимствованными лексемами являются *лаовай* (иностранец), *лаоши* (учитель), *лаобайсин* (типичный китаец), *мейгожень* (американец), *лаобань* (в значении «хозяин квартиры или небольшого ресторана») и многие другие. Таким образом в речи русскоязычной диаспоры с помощью китаизмов воспроизводится окружающая их социальная модель, в которой они пытаются найти своё место.

Третья модель – когда в том же процессе межкультурной коммуникации своему придаётся качественно иной характер, приближающий свое к чужому и тем самым облегчающий его сравнительное понимание и усвоение в контексте той культуры, в диалог с которой вступает данная своя культура [Там же]. Принцип зеркальности является основным в ментальной трансформации членов диаспоры и представляется нам более сложным явлением, чем просто смена оценки в традиционной оппозиции *свой-чужой*. Как мы говорили ранее, именно китайская лексема *лаовай* становится основным самоидентификатором. То есть члены диаспоры осознают себя не по национальному признаку, а членами некой абстрактной общности иностранцев в Китае.

Также важно отметить, что именно опыт жизни в другой стране является консолидирующим для данной социальной группы, и многие китайские реалии входят в понятие *свой* и служат определенным маркером, причём степень инициации зависит от количества проведенных лет в Китае, степени понимания и восприятия именно китайского, а не русского. С другой стороны, именно китайский опыт становится главным в оппозиции *свой-чужой*, являясь отправной точкой для сравнения различных стран, культур и народов, как наиболее яркий и разносторонний опыт осмысления чужой культуры, которая перестаёт быть *чужим*.

Несмотря на ценность замечаний Э. Китаниной, в особенности внимания к личностным категориям, учитывающим персональный опыт и стилистические особенности дискурса, каждого его участника, нам оппозиция *свой-чужой* представляется несколько сложнее. Так, помимо перечисленных моделей, в диаспоральном дискурсе нами отмечено стирание самой оппозиции, когда понятия *родина*, *патриотизм* признаются универсальными для всех стран и народов и выходят на другой уровень. То есть создаётся иная, третья, точка отсчёта, позволяющая взглянуть и на родину, и на Китай или другую страну проживания в данный момент как на опыт индивида. Космополитизм в данном случае позволяет привести к общему знаменателю разнообразный опыт одного человека и множественный опыт различных людей, когда оппозиция *свой-чужой* перестаёт быть противопоставлением, а становится своеобразной системой межнационального и кросскультурного общения членов диаспоры.

Проведенный нами анализ дискурсивных практик позволил выявить специфику оппозиции *свой-чужой* в диаспоральном дискурсе, когда данные концепты имеют отчётливую дифференциацию в зависимости от личности участника дискуссии. Прежде всего, это касается концептосферы СВОЙ, которая традиционно включает в себя понятия *родина* и *Россия*. Стоит оговориться, что и эти понятия подвергаются значительной редукции и вовсе не являются однозначными, имея зачастую диаметрально противоположную оценку в сравнении с традиционным значением.

Диаспора объединила людей по признаку языковой принадлежности, а не гражданства и даже национальности. Многие участники группы принадлежат к гражданам стран бывшего СНГ, которые не испытывают положительных чувств ни к СССР, ни к современной России. Так, наряду с признанием в любви: *А ведь Россия и правда прекрасная страна! Как её не любить? Не любить Россию это противоестественно. Как не любить свою маму или красивую девушку. И правда прекрасная природа, и правда фантастическая история* – мы встречаем такие характеристики страны, как *тоталитарная воровская колония, обворовывающая свой же народ* (Алексей Баузе, Литва) [1] (в цитатах сохранены орфография и пунктуация авторов. – Л. Ч.), и крайне негативное описание страны и живущего в ней народа, уместившееся в три слова: *авантюристы, армия и бандиты* (Татьяна Восьмиглазова, Беларусь) [Там же], искаженное восприятие истории, когда русские, не имея прошлого, являются всего лишь *пришлыми и на Москве, и на Неве* (Алексей Баузе, Литва) [Там же].

В свете сложившейся геополитической ситуации на постсоветском пространстве это вполне закономерно и отличает современную русскоговорящую диаспору от прошлых столетий, когда сообщество объединяли не только язык, но и определенный культурный фон и осознание себя частью единой большой общности,

пусть и утраченной, – метрополии. Таким образом, концепт РОДИНА не тождественен концепту РОССИЯ и приобретает для каждого участника своё индивидуальное значение. И если для кого-то землячество является неким плюсом в характеристике человека, то для других – это неловкость и стыд при встрече с соотечественниками за рубежом или же понятие, близкое к национализму в его самом отрицательном проявлении: *Очень красивая девушка. Ещё и землячка наша. Успехов вам* (Елена Федотова). *Каждая нация считает себя самыми умными, продуманными и исключительными. Все. Расисты. Без исключения* (Анна Бурак) [Там же].

Подробный анализ лексемы *родина* показал, что и ее нельзя с полной уверенностью отнести к концептосфере СВОЙ. Нами выделены основные лексические значения слова *родина* среди наиболее активных участников интернет-сообщества «Байки лаова»:

1. Родина – это Россия, страна, которая вызывает гордость и любовь: *Красивая страна, замечательные люди* (Яна Анохина, Россия); или горечь и боль: *Я люблю своих родных, свой дом, прекрасные пейзажи и чудесных людей с широкой душой, но в последнее время дико обидно за то, во что превращается Родина* (Тамара Комарова, Россия) [Там же].

2. Родина – это любая страна бывшего СССР, правда, тоже не всегда в позитивном ключе: *В Минске все более жизненно. Без подсветки и рекламных трюков. Там сразу ощущаешь, какой это лютый п\*\*ц* (Братец-Бу, Беларусь) [Там же].

3. *Родина – не государство, а место, где родился и вырос* (Анна) [Там же].

4. Могут быть две родины. *По тем критериям, которые перечислены в статье, моя малая Родина (Россия. – Л. Ч.) прекрасна и любима. А вот по критериям стабильности, защищённости граждан, хотелось бы жить в другой..... ☺. А малую родину продолжать любить издали и изредка приезжать* (Римма Фирстаева) [Там же]. Примечательно, что Россия, где родился/родилась, – это малая родина, а место, где живёшь – большая, в данном случае Китай.

5. Родина – своё место. *Твоя Родина – то, что ты считаешь Родиной (и может это быть место, где ты никогда не была и не будешь. Родина – это понятие духовное, а не место рождения и проживания)* (Баузе Алексей) [Там же].

6. Родины нет. *Родины у меня нет. Родилась в СССР, детство и юность в Казахстане. Где та родина?* (Elena Bichkar) [Там же].

7. Родина – универсальное понятие, а не национальное, когда нет разницы между странами и чувствами граждан: *«Мы уникальные и у нас свой путь развития» – любая страна на карте* (Armadillo Sands) [Там же].

И если понятие *родина* в связи с широким значением разными участниками трактуется по-разному, вызывая широкий спектр чувств, оценок и ассоциаций, и лишь в 6 и 7 значении утрачивается значение чего-то по-настоящему своего, то понятие *патриотизм* в подавляющем большинстве случаев вызывает сарказм и иронию, то есть однозначно трактуется как что-то не-своё, чуждое, иногда даже враждебное.

*«Даже алкоголики сидят на тех же ступеньках!» – ну как же патриотично!..* (Виктория Бушенёва).

*Если убрать эфемерные понятия души и говорить только о том, что имеет хоть какую то доказательную базу, то большая часть этих розовых соплей у нормального, здравомыслящего человека должна уйти безвозвратно. Что есть родина? Что есть государство? Патриотизм что такое? Мы так любим употреблять слова, значения которых мы давно не обновляли... пользуемся на автомате... а если задуматься* (Сергей Гусев) [Там же].

Экзистенциальный кризис утраты родины, разрушение традиционной картины мира, когда ты перестаешь быть частью единого народа с его традиционной системой ценностей, приводит к тому, что привычные понятия утрачивают свой смысл, формируется наднациональное самосознание, чуждое догм, а на первый план выходят межличностные отношения вне зависимости от национальных и культурных различий. Патриотизм подразумевает не только любовь к родине, но и определенный социально-политический контекст. Акцентируя внимание на национальном различии, патриотизм является основным препятствием на пути адаптации в иноязычном или же пестром диаспоральном обществе. С другой стороны, проявления патриотизма среди китайцев, которые бы даже не были заметны в метрополии, воспринимаются крайне болезненно членами диаспоры, сродни национализму или даже шовинизму. *Раз ты приехал в Китай, нужно следовать китайским законам. У нас в крови понятие «лица» (面子), а у лаоваев видимо «лица» и нет. Сейчас пока экономика растёт, все из-за границы лезут к нам, у нас уютно (吃香) и юанями ароматно пахнет. Нельзя забывать, что сейчас население огромное. Следственно, мусора иностранного меньше брать из-за границы* (воспроизводится рассказ от лица «знакомого» китайца) [Там же].

Таким образом, понятие *патриотизм* воспринимается не как средство консолидации, основной признак концептосферы СВОЙ, а как что-то чуждое, если и не враждебное, то конфликтоопасное. Традиционно к концепту ЧУЖОЙ относятся такие лексемы, как *расизм, национализм, милитаризм*, а в к концепту СВОЙ – общечеловеческие ценности: *любовь к родине как любовь к маме, красивой девушке, месту, где хорошо*.

Традиционные понятия *свой-чужой* не работают в диаспоральном сообществе, зачастую меняя оценку на противоположную. Примечательно, что на фоне отрицания родины как понятия и развернувшихся дискуссий относящегося к категории *свой* Китай становится не чужим, а именно *своим* для некоторых участников группы, *второй родиной* или *большой родиной*. Причем родиной не по политическим, географическим или другим параметрам, а именно из-за ментальной близости людей с их общечеловеческими ценностями.

В зависимости от того, что конкретный участник дискурса понимает под понятием *свой*, выстраивается оппозиция с понятием *чужой*, основным признаком которой является многоплановость, когда, во-первых,

сравниваются Россия и Китай, то есть происходит осмысление китайских реалий на основе этноориентированного опыта и русскоязычной картины мира; во-вторых, сравниваются Китай и Россия, когда отправной точкой сравнения становится опыт проживания в КНР, а основным инструментарием – китайские реалии, менталитет, в том числе и самопрезентация членов диаспоры в контексте китайской языковой культуры; в-третьих, происходит сравнение всех со всеми, подразумевающее широкий спектр сравнения стран, культур, национальностей по определенной тематике. И наконец, происходит ориентация на личный опыт соприкосновения с различными культурами и народами во время проживания в других странах или как результат межнационального общения в Китае, когда опыт других членов диаспоры, несмотря на различия во мнениях, принимается как наиболее значимый, чем знания, полученные из других источников. Отсюда вытекают тотальное сомнение в информации СМИ, высмеивание и борьба с клишированностью мышления. Таким образом, в диаспоральном дискурсе именно личный опыт находится в оппозиции политизированному и сугубо национальному мышлению, когда наиболее чётко проявляется оппозиция *свой-чужой*, где *свой* – индивидуальный опыт, а *чужой* – навязываемый извне.

## Заключение

Проанализировав существующие подходы к описанию концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ, мы приходим к следующим выводам. Данные концепты можно условно разделить на две группы: в первой группе основой противопоставления является негативная оценка ЧУЖОГО и положительная оценка СВОЕГО, во второй группе есть промежуточная категория ДРУГОГО, которая допускает существование нейтральной или положительной оценки ЧУЖОГО. Предложенные Э. Китаниной модели оппозиции своего и чужого, с их вниманием к личностным категориям, оказались функциональны и в условиях диаспоры, чему мы нашли немало примеров: во-первых, когда происходит осмысление своей культуры на фоне чужой (китайской), а также чужой на фоне своей; во-вторых, когда в процессе межкультурной коммуникации происходит переход из пространства чужого в пространство своего; и в-третьих, когда своя культура частично сливается с чужой. Однако помимо перечисленных моделей в русскоязычном диаспоральном дискурсе Китая нами отмечено стирание самой оппозиции «свой-чужой» и формирование иной степени оценочности вне традиционных национальных представлений. Например, нами рассмотрен концепт РОДИНА, который признаётся универсальным, а не национальным, а ПАТРИОТИЗМ имеет явно отрицательную коннотацию, тем самым из категории СВОЕГО переходя в категорию ЧУЖОГО.

В зависимости от того, что конкретный участник диаспорального дискурса понимает под понятием СВОЙ, выстраивается оппозиция с понятием ЧУЖОЙ, основным признаком которой является многоплановость, включающая широкий спектр сравнения стран, культур, национальностей по определенной тематике. Ещё одной отличительной чертой в диаспоральном дискурсе является ориентация на личный опыт, который находится в оппозиции политизированному и сугубо национальному мышлению, где свой – индивидуальный опыт, а чужой – навязываемый извне. То есть в диаспоральном дискурсе преобладает не национальная концептосфера, а интернациональная, ориентированная на общечеловеческие ценности и испытывающая влияние и формирующая полиэтническую субкультуру диаспоры Китая.

Таким образом, процессы, происходящие на стыке культур, позволяют нам выявить глобальные тенденции в формировании нового кросскультурного сознания и языка. Оппозиция «свой-чужой» является одной из наиболее архетипичных для любого человека и до сих пор рассматривалась концептологами исключительно в национальном контексте, однако мы наблюдаем формирование вненациональных концептов, базирующихся на общечеловеческих понятиях и являющихся своего рода универсалиями.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальной разработке инструментария изучения концептосферы в условиях смешения культурных кодов, а также в изучении и моделировании вненациональных концептологических полей.

## Источники | References

1. Байки лаовая. Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/cnlaowai> (дата обращения: 25.07.2021).
2. Балясникова О. В. К проблеме содержания оппозиции «свой - чужой» в аспекте психолингвистики // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. М., 2004. С. 267-284.
3. Балясникова О. В. «Свой - чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 224 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 142 с.
7. Завершинская Н. А. Оппозиция «своего» и «чужого» в современной культуре // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 27. С. 41-47.
8. Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филол. н. URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-inoazychnogo-slova-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 24.07.2021).

9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Рос. академия наук, Ин-т языкознания, 2004. 560 с.
10. Овчинникова И. Г. Дихотомия «свой - чужой» в сознании молодых россиян (по материалам ассоциативного эксперимента) // Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы: Междунар. науч. конф. (21-23 октября 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 1-9.
11. Орлова О. В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингво-концептологических исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-stilisticheskiy-analiz-tekstovyyh-kontseptov-v-kontekste-sovremennyh-lingvokontseptologicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 25.07.2021).
12. Орлова О. В. Лаовайский сетевой жаргон: китайский язык и культура в рецепции русскоязычных экспатов (введение в тему) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 103-108.
13. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987. М.: Наука, 1989. С. 54-82.
14. Пивоев В. М. «Свое» и «чужое» в культуре // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: тезисы докладов Межвуз. научн. конф. Петрозаводск, 1997. С. 5-7.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток - Запад, 2007. 314 с.
16. Сахно С. «Свое - чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 95-103.
17. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 1997. 482 с.
18. Хохлина М. Л. Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 2. С. 90-98.
19. Хуан Тяньдэ. Образ «свой - чужой» в языковом сознании носителей китайской и русской культур // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. тр. Воронеж: Истоки, 2015. С. 175-178.

#### Информация об авторах | Author information



Ли Чжидань<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Томский государственный педагогический университет



Li Zhidan<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Tomsk State Pedagogical University

<sup>1</sup> [lizhidan@yandex.ru](mailto:lizhidan@yandex.ru)

#### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.07.2021; опубликовано (published): 30.09.2021.

**Ключевые слова (keywords):** концепт свой; концепт чужой; дискурс; диаспора; Китай; concept ONE'S OWN; concept ALIEN; discourse; diaspora; China.